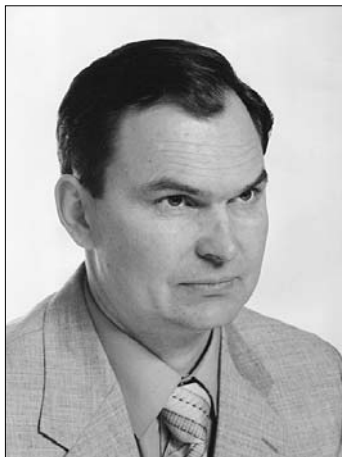

АНДРЕЙ БЕЛОЗЁРОВ

МЕЖДУ ТРЁХ ОГНЕЙ

РАССКАЗ

Майор Карданов возвращался в Бендеры. Двадцать лет спустя. Много это или мало? Смотря для чего... Для памяти? Для любви? Для войны — той братоубийственной боини, что разразилась на берегах Днестра по недомыслию политиков...

Ныне же в Приднестровье опять шла война, но вместо огневых батарей работали орудия политехнологов. Избирали президента на новый срок. Не признанное до сих пор царство раскололось. Как и вещал с амвона, извергая громы и молнии из перста указующего на исполком, проглядывающий за окнами городского храма, отец Герман, не отступивший в служении и в кровавое лето 92-го: “Дом, разделившийся в себе, не устоит!.. Анафема на ваши головы, отбившиеся, прворовавшиеся!” — и неистово осенял прихожан охранительным крестом...

Кандидаты бились за электорат. Имиджи у всех претендентов были в луху. Ряды избирателей косило шквалом сенсационных разоблачений фаворитов гонки. Граждане, продираясь сквозь дебри лжи, поставленные перед судьбоносным выбором, надеялись обрести уверенность в завтрашнем дне.

Все эти сведения майор почерпнул в средствах массовой информации. И про отца Германа тоже: это был единственный приднестровский священнослужитель, в свое время открыто выступивший против тех, кто столкнул лбами православных братьев. Двадцать лет назад гвардии майор Юрий Кар-

БЕЛОЗЁРОВ Андрей Борисович родился в 1966 году в г. Бендеры Молдавской ССР. Учился в Кишинёвском институте искусств и педагогическом институте. Окончил Высшие литературные курсы в Москве. Проза печаталась в журналах “Кодры”, “Молдова литературная”, “Московский вестник”. Член Союза писателей Приднестровья. Живёт в г. Бендеры.

данов пошел на жёсткую конфронтацию с руководством республики, за что и был изгнан.

На вокзале он взял такси до центра. Ехал. Глотал слезы счастья и горя. Воспоминания накатывали, сушили глаза. Мощные бастионы, валы, рвы, где знаком каждый камень; есть среди них и камни с древними барельефами: “источник”, “куница”, “солнечный циферблат”... Обелиск русской воинской славы начала девятнадцатого века, увенчанный орлом с распростертыми крыльями... Въезд на мост, за который велись суровые бои. Майор узнавал и не узнавал город: куда ни кинь взгляд — торговые и игровые павильоны, бутики, реклама на щитах; старинная каменная мельница, прочное каменное здание, наполовину снесено, переоборудовано в вещевой рынок; главпочтамт превратился в супермаркет...

Гостиница “Днестр” — и та напоминает блудливый пятачок: в фойе стоят игровые автоматы, сомнительного вида прокуренные девицы, прицениваясь, снуют между редкими командировочными.

Снял номер, бросил вещи и — быстрее в город. Начал вновь себя обретать на той самой улице, у той самой школы, где состоялся последний бой, где ему подстроили позорную облаву и пленили в разгар войны. Впрочем, выдвинули альтернативу: исчезнуть — навсегда! Раздумывать было некогда. Выбрал побег. Ведь пленили и трибуналом грозили *свои!*

Он стал *persona non grata* — нежелательной фигурой — уже на девятый день вооруженной борьбы с Молдовой, невзирая на то, что его батальон держал большую часть города вместе с союзными казаками и ополченцами. Ни оружия в достатке, ни боеприпасов, ни раций — только штабные распоряжения: выкарабкиваться самостоятельно, если не смогли или не пожелали во время отступить. Вот Карданов и развернулся самостийно во вражеском кольце, на свой страх и риск, — действовал, как подсказывала совесть офицерская, возвращенная в гражданине города своего. Послал ко всем чертям связь с Тирасполем. Ведь ещё за неделю до начала военных действий докладывал местному главе:

— Товарищ президент, считаю архиважным незамедлительный вывод полиции из городского центра. Вражеская группировка — под боком у горисполкома!

— Майор, имейте в виду: штурм полиции — только по моей личной команде. Ориентировочно завтра к вечеру. О точной дате и времени сообщу позже!

Тщетно Карданов разрабатывал план, чертил схему, растолковывал задачи ротным и взводным. Ни завтра, ни послезавтра не поступило *никаких личных распоряжений*. Потом оказалось, что время упущено. Полицаи упрочили свою позицию, много вреда причинив впоследствии, притягивая к себе внимание гвардейцев в обороне городского периметра. А через пять дней, после успешного вывода основных частей в Тирасполь, молдавские военные волонтеры с юга прорвались к мосту и взяли под свой контроль подступы к городу со стороны Днестра. Шли бои и за исполком, где в подвале засела вся городская “верхушка”; молдаване захватили один из микрорайонов и расположили там штаб. Майор сражался. Зло и остервенело.

Но ведь не только память о войне и возможность вернуться в родные края привели сюда Карданова. Нет! Было ещё что-то... Вернее, кто-то, ради кого он и вернулся сюда. Галина... Он хотел и боялся встречи с ней...

В те горячие дни майор Карданов черпал силы из гнева — на себя, на врага, на бессилие великой страны России. Был жесток. А верное решение кристаллизовалось из донесений разведгрупп да из дискуссий с отцом Германом. “Сегодня Карданов раздаёт тушёнку со складов. Ещё банка повидла, зелёный горошек и пакет сахара в каждые руки!..” — передавали истые прихожане соседям. Осаждённые люди в период огневого затишья спешили к месту раздачи. “Карданов вернул из плена двадцать наших солдат в обмен на семерых молдавских военных волонтеров...” — шептались в заставленных мешками с песком окопах ополченцы перед очередным артобстрелом. “Карданов рассчитывает *лично* вести переговоры с президентом Молдовы...” — дивились между собой, дымя едкими самокрутками, приезжие казаки.

Отец Герман весь военный год бился за каждого мирянина, но *против* политических установлений. В Бендерах бок о бок жили враждующие: в домах и на этажах, да и в семьях, бывало, разделялись и бились каждый за свою идею. Узнав, что склонивший перед ним голову человек пришёл с баррикады, не важно, с какой стороны, он отказывал ему в причастии Святых Христовых Тайн — до сложения им с себя военных обязательств. “Иди немедля к брату, против кого замыслил казнь, вались в ноги, моли прощения! — увещевал святой отец. — Потому как проклят веки тот, кто прольёт кровь брата своего...”

Отец Герман был ярым противником *человека с ружьём*, вернее, с автоматом Калашникова. Бендеры — пороховая бочка конфликта. Здесь сошлись представители всех противоборствующих сил: имперцы, унитаристы, сепаратисты, националисты; и российско-украинские казаки, и молдавские национал-патриоты, и приднестровские активисты...

Но отец Герман службу вершил в согласии с источником светлым и незамутненным, что вложил в душу человека при сотворении Бог. Хотя в соседнем пределе собора иной его *сослуживец* и благословлял враждующих. Церковь-то одна. Бывало, стоят в очередь к покладистому попу молдавский полицейский и приднестровский гвардеец (или казачок какой залётный крестом осеняется наотмашь), глазами сверкают друг на друга, ненавистью исходя втихомолку, и... преклоняют колено перед священником, получая благословение на *дела добрые* — Отчизну защищать. А выйдя из храма, настаивают друг на друга стволы вороные, стремясь поскорее исполнить свой долг... И накануне войны бывало так, и во время неё, и много после... Отец Герман призывал отстаивать *Родину*, не разделяясь между собой по политическим мотивам, требовать сложить оружие. И только к комбату подходил священник с мерой иной. Они были однокашниками. Слава Мудренко (ставший впоследствии отцом Германом) и Юрка Карданов были такими друзьями-товарищами — *не разлей вода*.

...С торца лица на Карданова глядел портрет кандидата, был он на нём такой весь приглаженный, в очках. И чуть было не споткнулся майор — будто и не было двух долгих десятилетий! — разделивших его и *этого, с картинки...* “Говорить только ПРАВДУ!” — обещал будущий народный избранник. Такой уверенный в себе, холёный. Но Карданов звал его и другим...

Тут майор услышал за спиной голос с хрипотцой — знакомый голос. Оглянулся — Литвиненко! Его давний учитель по обществоведению, не изменившийся с тех давних пор ни в осанке властной, ни в темпераменте, ни даже в лице. Рядом с ним — двое молодых людей, похоже, молодые лицейские педагоги.

Литвиненко их наставлял:

— Голосуйте, ребята, за старого президента. Коней на переправе не меняют! Всех этих кандидатов не счесть, а Приднестровье у нас одно. Мы его кровью выстрадали в великой борьбе...

“Конечно, выстрадали, — горько усмехнулся майор. — Намутили, подыгрывая политикам. Извратили программу истории в школах, в вузах... Лишь бы разделить народ по обе стороны Днестра... А все эти митинги и стачки, предшествующие развалу? Интеллигенция и втемяшивала в сознание масс спускаемые ей верховными правителями лозунги. Учителя, артисты, писатели, художники... Разве не от них исходили самые злые призывы, удобные местной власти! Разве не они раздули искру раздора — *самопровозглашения*, неизбежно ведущего в тупик! Теперь вот и голосовать призывают за старого волка...”

Чтобы не встречаться с Литвиненко, который мог его узнать, Карданов отошёл в сторону, за вяз. Ещё раз глянул на огромный плакат с претендентом. Спросил себя: “А этот чем лучше?” Горлопаны, экономно улыбающиеся мальчишки под пятьдесят, почувявшие, что власть не под силу *нынешнему*: проворовался он со своей ушлой семейкой, да и здоровьем не блещет, и прихвостни-предатели со всех сторон; не говоря уж о поникшем международном авторитете, который всё время с момента *самопровозглашения* Приднестровского государства держался исключительно *российским авторитетом*.

Вот и выплыли эти... Карданов ведь сразу узнал человека на плакате, хорошо помнил встречу с ним, хоть и минуло столько лет.

Это был седьмой день войны. Карданов прибыл поутру, после очередной ночной огневой свистопляски, в свою ставку-штаб для координации действий с ополченцами и казаками. Это было помпезное старинное здание на одной из центральных улиц, окружённое по периметру асфальтом, вспоротым окопами и баррикадами. Тут-то и попались ему под горячую руку два велеречивых агитатора, которых он ещё днём раньше готов был расстрелять без всяких объяснений. Они были из тех, кто вздыбил регион своими хитроумными посулами, подожгли фитиль распри и подвигли его, офицера-афганца, стать настоящим *сатрапом*.

Представители двух враждующих идеологий сидели пленённые в подвале и ждали своей участи. Один — прожжённый сторонник народного фронта, известный антирусскими выступлениями в прессе и на митингах в Кишинёве; другой — такой же трибун рьяный, только сторонник самоопределения Приднестровья, студент университета из Тирасполя.

Карданов был крайне взвинчен: ещё бы, ночью был подбит БТР, снаряженный казаками на штурм здания полиции. А ведь увещевал казаков комбат накануне штурма: пустая затея, верная смерть! бронетехника не приспособлена для ведения боя в городе, где даже тяжёлый танк — легкая добыча для “гранника” из подворотни! Черноморская “розвага козацька” решила по-своему. Итог — весь экипаж: четыре ополченца и два казака — сгорели в жестяной банке на колесах. Горевал комбат: свою голову не посадишь на плечи есаулу; ох, не те силы у него, чтобы вести бесконечную тяжбу среди *своих* в окружении *чужих*... Сгоряча Карданов винил в трагедии всех вокруг, подозревал во вредительстве каждого. А эти двое задержанных, в гражданке, вольготно сидели рядком и вели политические дебаты.

— Кто вас подослал, а? — взвился майор и для убедительности достал из кобуры “макарова”. Задержанные оторопело замолчали. Карданов резко бросил адъютанту: — Лейтенант Лазарев, доложите: кто и что?

— Этот очкастый, — указал подчинённый на студента, — намылился бежать из города на ведомственном транспорте. Мы его притормозили. Попросили ответить раненого Усачёва в больницу, а он отказался, помахал у меня перед носом какой-то бумаженцией...

— Все не так было, товарищ майор! Ваши бойцы приказали разворачиваться, везти раненого на другую сторону. Но мне туда нельзя... понимаете? У меня — задание!

— Твой темно-зелёный “фольксваген” во дворе?

— Нет. Джип “Чероки”! — отвечал, захлебываясь, приднестровский агитпроповец, которого комбат уже не однажды видел по телевидению (да и в местных газетах его фото мелькали), живчик из комсомольских заправил, быстренько продавшийся к новой кормушке. Выпуклые глазёнки его за стеклами в тонкой металлической оправе пучились в удивлении, словно пытались нащупать зацепки у *своего*. Вероятно, агитатору казалось, что придёт вот сейчас легендарный Карданов, и все недоразумения сразу пропадут, и его, не лазутчика-диверсанта, а актуального идеолога-пропагандиста, отпустят, вернут ключи от машины и принесут свои извинения... — Я ехал по заданию. Я планировал акцию для горожан на рынке, а меня арестовали ваши товарищи!.. — Он искренне недоумевал: — Я хотел говорить с народом о том, что международное признание нашей республики не за горами! Людей надо воодушевлять! Люди устали от войны... Ни воды, ни электричества, ни газа... Они прячутся по подвалам... Но не надо бояться... Правда за нами! Приднестровье никогда не было частью Молдовы... Россия нам поможет!.. Украина *тоже*!..

— Какого же хрена твои покровители разблокировали город и вывели свои войска накануне вторжения? Ведь разведка донесла: тяжёлая артиллерия прёт на Бендеры с юга! Почему я с батальоном солдат да с десятком-другим казаков — ополченцы необстрелянные не в счет! — должен держать оборону города?

— И все-таки вы держите... Главное сейчас — выстоять и не вступать

в переговоры с молдавским президентом, помнись, что Приднестровье никогда исторически не входило в состав...

Карданов выругался.

— Что ты вешаешь мне лапшу на уши? Я школьные уроки истории помню. Никогда Бендеры не выходили из Бессарабии. Даже во времена Российской империи один уезд был Бендерский, другой — уезд Кишинёвский... И что делать с теми русскими, кто остался на молдавской стороне?.. Ведь в Кишинёве русских больше, чем во всем Приднестровье! А сколько русских ещё и в молдавских городах и сёлах... — Майор вцепился взглядом во второго задержанного — этот был бородач, на вид лет сорока.

— Так и есть, Бессарабия — первична! — воскликнул бородач. — Бендеры и другие города попались в сети обмана, в так называемое Приднестровье...

Карданов и этого тоже заочно знал — это он тряс бородой и разбрасывал в кварталах листовки “Чемодан-вокзал-Россия!” или: “Сепаратисты, сдавайтесь! Иначе сравняем город с землёй!” С жаркой ненавистью этот молдавский агитатор извергал проклятия на русского агитатора: “Прихлебатель КГБ! Свинья!”

Теперь он вешал без пены у рта, но всё о том же:

— Политические авантюристы, господин майор, вышли из-под контроля! — он заискивающе заглядывал в глаза Карданову. — Ставленники международной мафии желают расчленить и без того маленькую, но прекрасную Молдову!

Карданов повертел в руках пистолет. Подумал: и тот, и другой в одной упряжке, обоим хочется развалить Молдову. И националисты, и сепаратисты... А кто-нибудь о людях подумал?

— Мы в целом за русский мир! — спешил высказаться бородач. — Вы же славянин, должны понимать. Мы расширим своё влияние на Балканах... Стоять в Приднестровье насмерть! А Молдова отойдет к Румынии! Девяносто процентов кишинёвской интеллигенции мечтает об этом...

— Заткнись! — оборвал его майор.

В Карданове боролись самые разные чувства, как бывает при *расщеплении сознания*. Куда катится мир? Почему смутьяны всегда оказываются наверху? Он взглянул на парочку, сидевших перед ним смиренно, как нашкодившие школьники, агитаторов. Расстрелять их, что ли? Нет, нельзя. Выйдет ещё большая смута, ещё больше увеличится трещина, разводящая живущий по обе стороны Днестра народ. Он словно бы услышал голос отца Германа: “Предоставь решать воле Божией!..”

Карданов отпустил пленников. Пусть сами расхлёбывают то, что заварили. А он офицер, с него довольно снайперов и барыг, мародеров и насильников, у которых нет ни идей, ни идеалов. У всех — своя война! Каждый приспособливается по-своему под омрачённым пожарами солнцем — только солнце и дарит хоть каку-то надежду.

...На месте отчего дома зиял пустырь — хорошо, что не павильон игровых автоматов! Карданов резко махнул рукой, будто перерубил что-то. Вот и состоялось свидание с домом...

Майор Карданов родился в рабочей семье. Мать с отцом упокоились с миром в первые годы перестройки, а не то вряд ли вынесли бы все эти перемены в обществе, локальные войны, *взлёт и падение* сына. Школа, военное училище, армия, Афганистан... Много товарищей довелось ему потерять на своём веку. А вот семья — ни жены официальной, ни детей у него не было. Его семья — батальон. Дневал и ночевал в части. И казалось, так надо. Так правильно... Но правильно ли, если больше всего сюда, на родину, его тянула именно встреча с женщиной?!

...Вот он на улице, где полегли первые *его* двое. Здесь окопался боевой расчёт — на перекрёстке главных линий в направлении на горисполком и логово молдавской полиции. Здесь от прямого попадания снаряда в огневую точку они и погибли. Потапов и Веверица... А дальше, на следующем перекрёстке погиб разведчик Королёв: он спешил предупредить взвод о засаде, спешил и не успел... А может, сам Карданов в этом и виноват. Не всё учел, не всё предусмотрел, и из-за него полегли солдаты? Нет, не только из-за него.

Народ в те горячие дни пожинал плоды *самоопределения и свободы*. Люди метались, как зачумлённые, среди каменных домов, из одного укрытия в другое. По запоздалому решению штаба гражданской обороны были вскрыты бомбоубежища на крупных предприятиях, только путь к ним под прицелом вездесущего снайпера часто оказывался роковым. Пребывали в растерянности и народные избранники-депутаты.

Лишь гвардейцы Карданова и союзные казаки знали, что делать: даже погибая, держать город. Вскоре и добровольные помощники армии — не сбежавшие из города жители — начали взывать к комбату об организации ополчения. И даже исконно молдавское население города, не принявшее, однако, курса на сближение с Румынией, к чему призывали его ярые националисты, жаждало вступить в бой на стороне осаждённых.

“Не оглядывайся ни на кого! — увещевал его молитвенным голосом отец Герман. — Неколебим будь, горд и верен себе! Защити люд православный, в брани неискушенный...” И майор Карданов поступил по совести. Не стал делить *страну* ни в угоду лидерам молдавским, ни на пользу лидерам приднестровским.

Однако отец Герман жестокости военных не жаловал. В этом он был непримирим и никак не мог согласиться с майором Кардановым. Священник проповедовал *иные* методы борьбы с врагом.

— Ничто, брат Юрий, не вершится без воли Божией, — терпеливо внушал отец Герман комбату. — Война, по сути, божественный план в процессе становления, дабы научить человечество, что насилие — это ошибка...

— Что ж ты, отец святой, и жестокость мою обеляешь?

— Тебя сам Бог послал на нашу многострадальную землю — ты словно Георгий Победоносец, гвоздящий гидру многоголовую... — отвечал священнослужитель. — Смотри же, не прилагай усилий больше, чем требуется.

...Неподалёку от Центральной библиотеки Карданов увидел на газоне памятную плиту оператору республиканского телевидения Воскресенскому. И бой, когда был сражен оператор, встал перед ним во всех подробностях. Со стороны здания молдавской полиции вёлся пулемётный огонь, прикрывающий частые вылазки отряда особого назначения к позициям казачества и приднестровской гвардии под руководством Карданова.

Карданов загонял их обратно в *полицейское логово*, но предугадать всплески их активности, связанные с наступлением военных волонтёров, всякий раз было невозможно. Полицейские доставляли майору постоянную *головную боль*, работая на отвлечение, чтобы основные силы тех, кто стремился захватить город, могли действовать более свободно.

Но в этот раз были *биты все карты*: полицейские предприняли отчаянную попытку в сумерках пробиться к главному стратегическому объекту — мосту, — чтобы упрочить его оборону, а самим выйти из каменного мешка ведомственного административного дома. Благо казаки приняли на себя удар волонтёров, поднявшихся в атаку, чтобы взять бойцов гвардии в клещи.

Карданов отстреливался из автомата, выбегая из укрытия библиотеки, и всеми силами вверенного ему батальона не дал врагу совершить прорыв. Но поплатился он за это ценой многих жизней своих товарищей, ценой осознания, что война ведётся *не по правилам*: сегодня ты выиграл бой за мост через Днестр, но это ещё не значит, что политики признают твою победу. Ситуацию в любой момент могут пересмотреть. Победу нынче добывают не герои на острие штыка, а мозги *новых* политиков. Что и говорить — рынок...

Тут вдруг и объявился *этот* оператор — он стремился заснять самые яркие события схватки, когда полицейских загоняли огнём обратно в управление... Пули секли воздух. Люди с автоматами мелькали между стен — то на одной стороне улицы, то на другой. А камера Воскресенского всё это снимала, — для истории тех, кто останется в *живых*. Выгодные ракурсы брал, словно не ведая страха, нацеливался вплотную к огненным точкам: дразнил и майора, и врага, и будущего зрителя своего репортажа.

“Куда лезет, черт?! Неужели и впрямь обойдёт *злая* смельчака? — кипятился Карданов, стараясь прикрыть огнём отчаянного телевизионщика. Бормотал, будто тем мог ему помочь: — Давай, парень! Жми на аппарат! Кто-то же должен показать всё это миру...”

Но скоро бойцы выносили под огневым щитом истекающего кровью Воскресенского. А камера продолжала снимать! Её нёс ординарец комбата, не зная, как отключить... Оператор умирал мучительно, *при исполнении*, добывая для истории подлинные факты течения войны. До последнего вздоха молил, чтобы майор передал кассеты на телевидение в Тирасполь. Ведь иных корреспондентов в разгар событий сюда не пускали.

Когда же общими стараниями отмотали кассету, просмотрели заснятое, изумились: крупный план противника, глаз в автоматном прицеле из-под каски с белой повязкой, — тот самый человек, который и пустил очередь в Воскресенского, смертельно ранив его. Вот он, *обыкновенный* подвиг!

Не поверить *такому* парню нельзя. Его кассеты — это бесценные свидетельства Бендерской трагедии, они завершались последним репортажем, в котором автор погибает на глазах зрителей...

После смерти оператора Карданов наказал адъютанту, уяснившему, где какая кнопка, не расставаться с камерой, — и всё снимать. И, унимая дрожь, этот юркий двадцатилетний парнишка из ополченцев все глаза проглядел, пялясь в объектив, пока не сдохла батарея (другую в осадном городе не раздобыть). Так собирался банк неоспоримых вещественных доказательств: на пленке были запечатлены вперемежку трупы мирных граждан и служивых, одетых в разную форму. Живые не слишком стремились о себе сообщать, а мертвых нужно было фиксировать, прежде чем укладывать в братские могилы, чтобы легче потом было их опознавать.

Карданов шёл дальше по городу только с одной целью, о которой не хотел думать и которую не собирался обсуждать даже с самим собой. Впереди открылся парк культуры, где почти каждое дерево было обогрето человеческой кровью. Заброшенная танцплощадка с эстрадой, куда устремлялась, бывало, вечерами молодежь со всего города... А ведь здесь когда-то Карданов и познакомился с *ней*. Никакой он не танцор, а так, и оказался-то здесь случайно. И неведомая и непреодолимая сила заставила его подойти к Галине.

...У радиальной аллеи на афишной тумбе внимание майора привлекло объявление: “Люди хорошие! 29 ноября 2011 года вечером на этом месте был убит мой сын Чечельник Петр Алексеевич 1993 года рождения. Кто знает хоть что-нибудь об убийстве, прошу сообщить по телефону... Мать”. Здесь, на этой же тумбе майор почерпнул и другие сведения о местной жизни. “Помощь в получении гражданства: Румыния, Болгария, Польша, Чехия... Отказ от гражданства: Россия, Украина, Молдова... Продление загранпаспортов”; “Требуются строители, медики, повара в возрасте до 35 лет — в Италию, Грецию, Португалию...” Чертыхнувшись, майор зашагал дальше.

Городской стадион. Теперь он находился под юрисдикцией МВД, о чем гласила вывеска у главного входа на трибуны. “О времена, о нравы, — подумал майор, — менты катают мячи, а женщины ищут убийц собственных детей по объявлениям на столбе...” Скоро Карданов вышел на перекресток улиц с символическими названиями “Коммунистическая” и “Первомайская”, в район кинотеатра “Дружба”. Здесь проходили самые тяжелые бои.

Перекрестие дорог, — ни объехать, ни обойти, — а волонтеры бьют из орудий и в личный транспорт беженцев, ещё ничего не понимающих в политическом раскладе, и в кареты “скорой помощи”, не миновавшие той же участи, что и гранатометчики, и в пожарные машины: жилия саманная застройка вспыхивает и сгорает в секунды, словно спички... Здесь рубились насмерть молдавские волонтеры и бойцы батальона Карданова — сутки, вторые, третьи; а на четвёртый день майор отрядил на переговоры с врагом нескольких своих молдаван с бутылью спирта. В неприятельском стане (в младшем офицерском составе) к дерзости парламентариев отнеслись с пониманием: сами искали нетривиальных решений, были, по сути, в тупике, куда их загнали штабные чины. В общем, они столкнулись: бить по возможности в обусловленный квадрат, чтобы избежать лишних жертв. В этих координатах располагалось общежитие, к тому времени уже сожжённое и разграбленное...

Теперь на месте сметенного артиллерией квартала выросли частные дома, да такие, что впору российским нуворишам позавидовать. И тут же, через дорогу — всё в выбоинах стоит общежитие *той* поры: пустое, выгоревшее, словно вызывает к памяти живущих...

И вот он почти у цели. Карданов подошёл к этой калитке, настороженно озираясь по сторонам, словно боялся, что кто-то может следить за ним. И тут он услышал голос той, о ком вспоминал все ушедшие в пустоту двадцать лет. Озирался-озирался, а главного-то и не заметил...

— Юра! Ты вернулся? — Галина спросила просто и, казалось, даже без удивления. Только когда он обернулся к ней, лицо её вмиг побелело.

— Да. Я вернулся, — виновато подтвердил Карданов, чувствуя, что его лицо, напротив, горит, как маков цвет. Изменилась Галина, сильно изменилась. Внешность-то как бы и не в счёт, но что-то в ней появилось новое, а морщинки под глазами вроде и не прибавилось, и глаза такие же синие...

— Ну, что ж, проходи.

— Это удобно?

— Да нет проблем! — с неестественной весёлостью откликнулась Галина и толкнула перед майором калитку.

Скоро Карданов, сидя за чашкой чая, говорил... Галина смотрела на него как-то рассеянно, будто и не слушала. Да и Карданов говорил как будто для себя, оправдываясь, что ли...

— Не вписался я в ни в чьи планы... Иные уж теперь герои. А меня обвинили во всех грехах, чуть ли не военным преступником, вором сделали. Самозванец!

Карданов помнил до сих пор проповедь отца Германа, произнесённую с высокого крыльца храма, как с амвона; слова священника были просты и понятны: “Православных братьев и сестёр не разделить политической интригой, границами и таможнями! Пролитие христианскую кровь воинствующие сепаратисты и националисты — посланники дьявола! Тот же, кто готов положить живот свой за брата, — от Бога!”

И он снова напряженно пытался объяснить Галине, что и как тогда было, и почему она не видела его или он не видел её почти двадцать лет. Он как будто всё ещё жил событиями той поры, горячей поры, где он был всем нужен.

Во время своего “правления” в осажденном городе Карданов дал обездоленным людям возможность выжить, распечатав склады новоспеченных богатеев из бывшей, как правило, партноменклатуры; немалые силы он положил на организацию ополчения, снабдив добровольцев оружием и амуницией; по правилам военной науки он установил в городе линии обороны, и если сдавал квартал в силу тактической необходимости, то потом отбирал, не давая послаблений ни себе, ни врагу. Заодно и с криминалитетом местным разобрался. По адресам, бывшим у обывателя на слуху, объявлялся внезапно со своими бойцами и выволакивал не успевшую ретироваться за Днестр или в Кишинёв уголовную братву, которую изолировал крепко, чтоб не наживались они на чужом горе.

“Правил бал” майор Карданов, разъезжая по городу на БТРе, над башенкой которого развивался черно-желтый стяг со старинным гербом Бендерского уезда: на золотом верхнем поле — двуглавый орел со щитом в когтях; на черном нижнем — поверженный лев, изображенный там в память о бесславном пребывании у стен Бендерской крепости шведского короля Карла XII. Парламентариев всех рангов, резидентов Москвы, Киева и Бухареста он гнал со своего порога, заявляя: “Хочу говорить с развязавшим войну молдавским президентом!..” А когда объявлялись те, что работали с мандатом Красного Креста, рубил сплеча, не слушая их геополитических аргументов: “Я требую немедленного вывода всех атакующих из Бендер! Город — не арена для боевых действий! Необходимо остановить государственный терроризм! Быть ли городу молдавским, украинским или русским — сейчас не важно; прежде должен наступить мир!”

... — Вот за такое самоуправство и взяли меня, когда российские войска пришли. Хотели расстрелять. Но побоялись. Вдруг народ поднимется. Гражданский протест, новая смута... У граждан города я был популярен, поскольку защищал бесправный люд и его имущество от разграбления... — Карданов усмехнулся, посмотрел на Галину и опять прочитал на её лице некоторую отрешённость. Она ждала, наверно, других объяснений, не военных, не стратегических, — личных. — Предложили мне тогда немедленно покинуть Приднестровье, а заодно и Молдову, чтобы не дразнить гусей. Навсегда! По-

садили в “воронок” — и к украинской границе... А здесь чтоб я и носу не показывал.

Он взглянул на неё, и в её глазах прочитал немой вопрос:

“А как же я? Обо мне ты забыл?”

Карданов ответил:

— Тебя я не хотел подставлять, думал, что и в России они могут дотянуться до меня. Зачем тебе лишние переживания? Да и куда я уезжал? В поле. Ни кола, ни двора. Кому захочется тащиться неизвестно куда... А у тебя здесь всё же хозяйство, свой дом. Разве мог я позвать тебя в никуда? — Он вроде и не спрашивал её. И не ждал ответа. Карданов давно уже ответил себе сам, ещё тогда, когда, сжимая зубы от отчаяния, покидал родной край, родную землю, всё своё родное, политое кровью своей и своих товарищей. Уходил он тогда почти что в бегу...

И сейчас разом представились ему его скитания по России. Он, легендарный комбат, кочевал изгоем по бескрайним просторам российским: от Мурманска до Камчатки. Рыбачил в артелях, бил зверя в охотничьем заготряде, сплавливал лес...

— Жил по улам, семья так и не создал... — рассказывал Карданов. Он не оправдывался перед Галиной, но чувствовал свою неловкость и хотел, чтобы его поняли. — Тогда было время какое-то шалое. Всем почему-то казалось, что вот будет свобода, независимость... незалежность... и всё сразу пойдёт, как по маслу, образуется и наладится... Что вроде как самое главное — самоопределение. И наступит рай. — Карданов вздохнул, огляделся исподлобья и тут заметил на стене фотопортрет молодого человека. — Не наступил рай. Вон и в России уже опомнились. Раздробили страну, а теперь локти кусают... Никто от этого не выиграл. Только враги... — Карданов кивнул на фото. — Кто этот парень?

— Это мой сын, — ответила Галина. — Он сейчас в Кишинёве. Учится в университете.

— Сколько ему?

— Девятнадцать...

Словно переступая через что-то, Карданов спросил, тихо и осторожно:

— Кто его отец?

— Его убили, — сухо, коротко, чеканно ответила Галина. — Убили на войне. Тогда, двадцать лет назад... Больше не спрашивай меня ни о чём!

Майор замер. Будто враз пролетели годы перед глазами, все те *пустые* годы скитаний. А потом опять появилось ощущение запаха пожара, следов крови на земле, повсюду — разбитые дома с торчачими из бетонных перекрытий кривыми венами арматуры... И он, майор Карданов, никому не нужный, никем не понятый, воюющий “за народ”, оставивший Галину одну, одну с ребёнком, с его ребёнком! Это Карданов понял сразу.

— Ты извини, Юра, мне нужно кое-что приготовить. Скоро муж из рейса вернется. Он водитель... Я очень боюсь потерять этого человека.

Карданов встал, выпрямился по-офицерски: время его гостевания в этом доме истекло. Слишком поздно он сюда явился.

Напоследок Карданов вьедливо вцепился взглядом в фото молодого парня. Сына?! Да какой он, Карданов, ему отец, если *не вспомнил* о нём ни разу!? За двадцать-то лет...

— Прости, — тихо произнёс он и пошёл к выходу, скользнув глазами по бледному лицу Галины.

Город жил своей жизнью. Светлый, чистый город, с простыми людьми, с простыми заботами. И казалось, всеми домами, окнами, деревьями, всеми афишными тумбами, памятниками, всеми глазами людскими, голосами, словами и поступками проклинал безумие и подлость политического дележа, который превращал обыкновенных людей в убийц, изгоев, подлецов... И всё ради чего? А главное — ради кого?

— Куда ты теперь? — услышал Карданов за спиной голос Галины. Всё же не стерпело женское сердце, сжалилось. Догнала его Галина, и голос заботливый, со слезой...

— Пойду к отцу Герману. Мы ведь с ним одноклассники. Детство и юность на этих улицах провели, — угрюмо сказал Карданов.